

Порфирий Петрович всем желает добра

Почти беспристрастная петербургская театральная критика спектаклю ТЮЗа им. Бранцева "Преступление и наказание" (постановка Григория Козлова) в рейтинговой таблице премьер почти единодушно поставила "отлично". За исполнение роли Порфирия Петровича Алексею Девотченко была присуждена в этом году премия К. С. Станиславского. Впрочем, это не единственная его награда — о списке официальных и кулуарных "регалей" еще молодого актера давно уже тянется ниточка слухов из одной культурной столицы в другую. Москва Алексея Девотченко видела дважды: в "Концерте Саши Черного для фортепиано с артистом" и совсем недавно в "Преступлении и наказании", сыгранном в рамках фестиваля "Балтийский дом". Его Порфирий — персонаж удивительно эффектный, что и говорить. Раскольников тянет к нему, как мотылька на свет. А Порфирий то обожжет воспаленную душу, а то и приласкает. А после посмеется и снова ужалит. Так и кружат друг над другом: Порфирий над Раскольниковым Латышева, Раскольников над Порфирием. И так вот мешают потихоньку все вместе — и трагическое, и комическое в одну лунку. Да невзначай и прилизит Порфирий своего "подопечного" к зыбкой границе разумного и преступного, избавится от пронявшего озноба и уже совсем без уверток и нервов прямо в глаза и заявит: "Интересно, какая вам будет сбавка?" От такого Порфирия не освободиться и здоровому человеку. То ли шут, то ли совесть материализованная, то ли пронзительный взгляд верховного судьи, брошенный на землю. Есть повод поговорить.

Об альма-матер

Я два года учился у Кацмана, а после армии заканчивал с курсом Додина. Раньше двенадцати ночи мы из института не выходили. Приходили, как и все, в 9.30 на общеобразовательные лекции, в 4 часа начинали заниматься актерским мастерством, в семь часов проводили другие курсы — они уже к вечеру свободны, а у нас в это время был самый пик. Кацман мог бы и дольше с нами заниматься, но ему уже по возрасту было тяжело. А у Льва Абрамовича Додина на 3 — 4-м курсах мы могли уходить и в два ночи, и в три. Ночевали прямо в аудитории. Конечно, тяжело было. И обидно, когда педагоги на нас кричали, порой переходя на личности. Но теперь я понимаю, что артиста держать в ежовых рукавицах нужно с самого начала. Знаете, когда меня сейчас мучают на репетициях, я говорю: и слава Богу. Гораздо хуже, когда режиссеру наплевать — что выйдет, то и выйдет, и когда на все твои предложения он реагирует спокойно: давай, играй так дальше, все хорошо. Это странно кажется, но когда меня не ругают, мне всегда очень тревожно становится.

А наши отношения с Григорием Козловым сложились еще с первого курса ЛГИТ-Мика. В "Преступлении" играют все с одного курса. Мы в 83-м поступили на актерский, а Гриша Козлов — на ре-

жиссерский. Так что мы давно знаем друг друга.

Об утраченном петербургском колорите

Мы вообще старались не делать никакого акцента на то, что действие происходит в Петербурге. История могла произойти где угодно. На классические произведения искусства можно смотреть под разными углами. Можно следить за Раскольниковым взглядом патологоанатома, как это сделал Гинкас, или развивать социальные темы романа. Мы же попытались рассмотреть эту историю как историю обычной семьи. И что бы там ни происходило, всем у нас правит любовь: любовь Пульхерии Александровны к сыну, Расколькова к матери, к сестре Дуне, к Соне Мармеладовой, Разумихина — к Дуне. Вся семья ходит с любовью. И это то, чего сейчас больше всего не хватает. В "Преступлении" аллюзий с сегодняшним временем очень много — страна напоминает огромную Сенную, где все продается, все покупается. Хотя в театре хочется уйти от чернухи, грязи и попытаться проследить сюжет по линии просто человеческих взаимоотношений.

Интерпретация наказания

Наказание мы поняли не в прямом смысле как кару. В нашем спектакле наказание — это то, что ты делаешь больно своим любимым: матери, сестре.

Социальные взгляды

Порфирия

И у Достоевского написано, и мы делали из Порфирия человека, который всем желает добра. Он ни в коем случае не полицейская ищейка, не следователь в расхожем смысле этого слова. Ведь Порфирий хочет спасти Раскольникова, а не поймать, прищучить. Порфирий видит в Раскольникове отражение самого себя, своей юности, несбывшихся фантазий. И все переживания Раскольникова ему до боли знакомы. Я уверен, что подобные статьи писал сам Порфирий и публиковал их раньше где-то. Но разуверился во всем, не пройдя и половины жизни. Теперь им движет желание спасти, предостеречь, предотвратить катастрофу, даже освободить человека — не снять порчу, а дать какую-то надежду.

О переездах "Преступления"

В Петербурге мы отгораживаем зрительный зал железным занавесом. Его фактура дает ощущение настоящего петербургского колодца огромной высоты. В Москве показали упрощенный вариант: поставили черную ширму. Многого пропало — ширмой мощный занавес не заменишь. Но зато во МХАТе мы наконец-то получили полную темноту. У нас, как бы ни закрывали щели, свет все равно просачивается и видны силуэты. А в Москве в "пере-

бивках" темнота была стопроцентная, и нам удалось на какие-то секунды погрузить зрителей в полный мрак.

Репетиций в Москве у нас не было, был мини-прогон, когда мы просто ногами по сцене походили, чтобы "географию" новой площадки освоить. А накануне очень много было сложностей с установкой декораций, потому что фактически разгружали их сами артисты. По финансовым причинам нельзя было взять столько монтировщиков, сколько нужно. Пришлось на них экономить. Но, конечно, это не дело, когда Латышев — Раскольников ночью до двух часов разгружает декорации, в одиннадцать утра идет на прогон, а в пять уже играет главную роль.

О признании диктатуры режиссера, не поколебавшего никакими наградами

Театр — это самое тоталитарное образование общества. В Малом драматическом театре у Додина методы очень жесткие и порой жестокие, но я все-таки считаю, что это правильно. Потому что в театре не может быть демократии. Нам, студентам, Кацман говорил когда-то: главное, запомните, что театр очень жесткая организация, где действуют законы иезуитов: падающего да подтолкни. Но нет такого закона, чтобы все

советские люди занимались театром: вы можете в любой момент из него уйти. Да, больно, но что поделаешь? А по-другому нельзя. Хотя, я помню, когда мы учились, нас все это корбило.

Об относительности сотворчества

В существующей иерархии актер много работает самостоятельно. Но он должен в первую очередь слушать режиссера и доверяться ему, какой бы режиссер ни был. Нас так учили в училище — если вы работаете с каким-то режиссером, вы должны, даже если он вам не нравится, все равно представить, что с вами общается самый лучший режиссер мира и что другого просто не существует.

"Четвертая нога" Конька-Горбунка

— Ну почему "четвертая нога" — метафора? У нас в детском спектакле есть деревянный конь с задними и передними ногами на колесиках, и артисты их возят. Последняя досталась мне — надо же кому-нибудь быть четвертой ногой. А вообще в ТЮЗе очень небольшая труппа, поэтому приходится играть всем и везде.

Ирина КОРНЕЕВА.
На снимке: А. Девотченко (Порфирий), И. Латышев (Раскольников).